

УДК.930.2+314.02

А. Н. Садовой

**АССИМИЛЯЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(на примере Черноморского побережья Кавказа)¹¹**

В статье поднимается проблема выбора инструментария анализа взаимосвязи между этнодемографическими процессами и формами межэтнического (межкультурного) взаимодействия. Территориальные рамки исследования охватывают российскую часть побережья Черного моря – зону проведения Зимней Олимпиады 2014 года. На примере выборочного исследования двух этнических групп (украинцев, эстонцев) сформирована рабочая гипотеза, согласно которой ассимиляционные процессы в среде мигрантов в районе русского побережья Черного моря являются перманентным фактором воздействия на систему межэтнических (межкультурных) коммуникаций. Прогнозируются три возможных сценария развития ситуации.

Ключевые слова: Черноморское побережье Кавказа, этническая структура населения, демографические процессы, миграции, межкультурное и межэтническое взаимодействие, методика исследования.

---

¹¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнодемографический мониторинг развития туристической инфраструктуры на особоохраняемых природных территориях Северо-Западного Кавказа» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

A. N. Sadovoy

ASSIMILATORY ASPECTS OF THE CROSS-CULTURAL INTERACTIONS (on the example of the Black Sea coast of the Caucasus)

The problem of selecting tools for analyzing the relationship ethnic and demographic processes and forms of interethnic (intercultural) interaction is solved in the paper. The territorial scope of the study covers the Russian part of the Black Sea coast – the zone of the Winter Olympics in 2014. The working hypothesis is formed on the basis of a sample survey of demographic processes in the environment of the two ethnic groups: Ukrainians and Estonians. According to this hypothesis, the assimilation processes among migrants in this region are the determining factor and permanent effect on the system of interethnic (intercultural) communication. Three possible scenarios for the situation development are projected.

The first scenario is associated with a steady trend of the ethnic minorities number downward. As a result of this process, the system of inter-ethnic and inter-cultural interaction in the area will be determined by two ethnic groups – Russian and Armenian. Preservation of ethnic identity in areas densely populated by minorities depends on the family institute state, the traditional economic specialization, the ethnic entrepreneurship development level and positions in the urban sectors of the economy.

The second scenario is based on the trend of new ethnic enclaves form from labor migrants attracted to the creation of the Olympic infrastructure. Training of personnel to maintain sanitary conditions in the city was not foreseen in the urban infrastructure modernization programs. The migrants occupy this sector of the economy? Which is not prestigious for residents. According to the identified ethno-demographic trends in the region, it is expected that the assimilation process is not affected by this group for one or two generations. The reasons there are religious differences and a low threshold to adapt to the urban environment of migrants from rural national enclaves. At the same time the formation of ethnic specialization, may be a factor in the forced adaptation of migrants to the urban environment.

The third scenario is connected with the assumption that the “external” factor may become the dominant in the inter-ethnic relations system. We are talking about the formation of qualitatively “new” system of interaction between the frontier subjects of the Russian Federation and foreign countries (Georgia, Abkhazia, Ossetia, Turkey), represented by the “diasporas”. In this case, the system of inter-ethnic relations is transformed into a political dialogue.

The inter-ethnic communication development directions will be determined in the next decade. Every possible scenario includes the risk of inter-ethnic relations complications. This fact actualizes the problem of the ethnological monitoring organization and training in the field of social and applied anthropology for regional needs.

Keywords: Black Sea coast of the Caucasus, ethnic structure of the population, demographic processes, migrations, cross-cultural and interethnic interaction, research technique

В районе МО «Город-курорт Сочи», охватывающего более 100 км Черноморского побережья Кавказа, по переписи 2010 года, проживают 343,3 тыс. человек, представляющие 112 этносов [15, с. 52]. По этнической структуре район, на первый взгляд, не имеет принципиальных отличий от населения Краснодарского края [16]. В то же время прослеживаются существенные отличия в динамике и механизме (комплексе причинно-следственных связей) этнодемографических процессов. Специфика связана с историей заселения, во многом определяемой государственной стратегией развития рекреационного потенциала района. Это прослеживается по динамике изменения численности населения, *агломерации десят-*

ков населенных пунктов, получивших название муниципальное образование «Город-курорт Сочи» (табл. 1). Представленный временной ряд отражает ряд демографических тенденций, которые необходимо учитывать при анализе взаимосвязи этнических процессов и современной этносоциальной ситуации, сложившейся в районе.

Таблица 1

**Динамика изменения численности городского населения.
МО «Город-курорт Сочи» г. Сочи. 1887–2012 годы [2; 7]**

	1887	1897	1916	1926	1932	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006	2010	2012
МО	0,1	1,3	13, 2	44,0	-	71,0	127,0	245,3	292,3	361,2	397,1	-	420,6	437,6
Город	-	-	-	14,6	17,0	49,8	81,9	203,1	245,6	314,8	328,8	329,5	343,3	360,3

Тенденция I. Согласно данным историографии, статус городского поселения Сочи приобрел 01.05.1898 года; города – в 1917 году. Начало формирования инфраструктуры в историографических источниках отнесено к первому («довоенному») десятилетию XX века [11; 21, с. 34, 62–77]. Согласно представленной динамике соотношения городского и сельского населения, процессы *урбанизации* охватили район значительно позднее, не ранее середины 1930-х годов. В связи с этим этнодемографические процессы, характерные для этого района, были на всех этапах истории детерминированы государственными программами развития его рекреационного потенциала. Программы реализовывались, в основном, в процессе создания городской инфраструктуры. Процессы сельскохозяйственного освоения района, осуществляемые переселенцами, имели четко выраженный вторичный характер. Сельский уклад жизни не определял систему межкультурных и межэтнических коммуникаций. Она формировалась в процессе урбанизации. Этнические процессы охватывали, в основном, «городскую среду».

Тенденция II. Половозрастная и этническая структура городского населения стабилизировалась только к 1970-м годам. Связано это с тем, что население города формировалось за счет привлечения к его строительству мигрантов. Темпы естественного воспроизводства населения города с 1880 по 1970-е годы уступали темпам миграционных процессов. За 70 лет, прошедших с начала курортного строительства, численность населения г. Сочи, по официальным источникам, увеличилась более, чем в 20 раз. Доля семей, проживающих в агломерации на протяжении трех и более поколений, теоретически не может превышать 10 % от общего состава населения. В этой связи можно предполагать, что механизм формирования в г. Сочи с 1930-х годов городской инфраструктуры (по динамике и общей направленности) аналогичен существующему в мегаполисах. Протекавшие здесь демографические процессы, однозначно, не характерны для прилегающих сельскохозяйственных районов. Так, несмотря на то, что в Краснодарском крае процессы урбанизации начались на столетие раньше (на рубеже XVIII–XIX веков), они так и не стали стержнем регионального развития. Край по завершении индустриализации (1939 год) продолжал сохранять статус аграрного рай-

она: доля сельского населения составляла 75,3 %. Согласно последним исследованиям, более 80,0 % прироста городского населения на Кубани в 1920–1940-е годы определялось как миграциями, так и преобразованием сельских населенных пунктов в города. При этом удельный вес естественного воспроизводства населения городов оставался незначительным [9]. Эта тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени: Краснодарский край в 1990–2001 годы имел один из наиболее высоких в Российской Федерации показателей (коэффициент) миграционного прироста (113 %), что в условиях современного демографического кризиса стабилизирует социально-экономическую обстановку [17, с. 43].

Тенденция III. Характер межэтнического взаимодействия с 1930-х по 1990-е годы определялся формированием этнического ядра славянских групп населения, большая часть которых была представлена русскими [4, с. 174–183; 2, с. 46–52]. Автохтонное население побережья (убыхи, абадзехи) к концу XIX века эмигрировало. Незначительная часть оставшихся этнических групп (шапсуги) после завершения движения «мухаджиров» существенного воздействия на систему межэтнических отношений в течение всего XX века не оказывала. Проводимый в сети Интернет тезис о завершенном характере этнополитической консолидации «адыгских племен» к завершению Кавказской войны (конец XIX века) не подтверждается материалами переписи 2010 года. Предоставленная государством возможность самоопределения привела к выбору шапсугами статуса коренного малочисленного народа России (мира). Сохранили традиционные этнонимы кабардинцы и черкесы, проживающие на территории района.

В целом можно отметить, что специфика межкультурной коммуникации в этом районе определялась органичным сочетанием урбанизации и миграционных процессов. С увеличением числа этнических групп за счет переселенцев, межэтническое взаимодействие определялось уже не столько интеграцией мигрантов в формируемую систему межэтнических отношений (она было слишком динамичной), сколько их адаптацией к социальным проблемам, определяемым урбанизацией. В результате, начиная с 1920-х годов, сохранение относительно замкнутых этнических сообществ («этнографических групп») стало возможным только в сельских населенных пунктах, включенных в агломерацию. Условий для формирования «этнических кварталов» вплоть до конца XX века в этом районе не существовало.

Особый интерес представляет корреляция урбанизации и ассимиляционных процессов. Как в историографии, так и в общественном сознании традиционно представление, что городская среда на всех этапах истории является «плавильным котлом», стирающим этническую самоидентификацию. Не случайно за пределами Российской Федерации русский язык часто рассматривается не столько как этнический маркер, сколько как средство межэтнической коммуникации. Этноним Russian (русские) применяется для обозначения выходца из России, вне зависимости от его этнической самоидентификации. Если обратиться к исследуемому району, то в бытовом сознании его обитателей широко распространены представления о «проблемном» характере этнической самоидентификации «русских». Представители этнических меньшинств часто рассматривают русских в качестве своеобразного конгломерата мигрантов из разных районов России, не имеющих представления о «своей» этнической истории и культуре. Городская культура перестает быть «русской»: она рассматривается в качестве последствия синтеза культур этнических меньшинств, вне зависимости от наличия в их этнической истории опыта государственного строительства, урбанизации, интеграции в мировую культуру и т. д. В этой крайне противоречивой ситуации ассимиляция перестает рассматриваться

в качестве последствий осознанной этнической самоидентификации. Этот процесс рассматривается в контексте «маргинализации» – признания мигрантами факта потери «этнического лица». Сложившаяся в общественном сознании ситуация не случайна. Представляемый через СМИ спектр оценок истории и социальных проблем «русского народа», как правило, не имеет под собой научной основы. Определяется это тем, что в российской историографии второй половины XX – начала XXI века история этнических меньшинств Российской Федерации исследована несопоставимо значительно глубже, чем этнические процессы в среде титульного этноса. Взаимосвязь социальных (идеологических) и гносеологических факторов этого социального феномена вскрыта проф. А. В. Гадло [10, с. 22–25]. Аналогичная ситуация характерна и для региональной историографии. Как правило, этнодемографические процессы остаются за пределами внимания исследователей. Это прослеживается как по ограниченному количеству публикаций, так и по крайне противоречивым данным по этнической структуре и системе расселения населения Черноморского побережья Кавказа. Одной из причин является узость источниковой базы. Приводимая в сети Интернет «абсолютная» численность этнических групп (до человека), как правило, основана на результатах переписей. Однако в среде профессиональных этнографов этот источник не считается информационно емким для полиэтничных районов с высоким уровнем мобильности населения.

Черноморское побережье Кавказа как пограничный район Российской Федерации принял в последние десятилетия несколько миграционных волн. Они были обусловлены как серией межэтнических конфликтов в бывших республиках СССР, так и оттоком населения из российской глубинки в результате распада социальной инфраструктуры. Система муниципальной статистики, основанная на институте прописки, не была сориентирована на столь динамичные процессы. Полевые материалы автора отражают, что поселковые администрации, как правило, не обладают данными по этнической и возрастной структуре подведомственной территории. Эта ситуация характерна как для отдаленных районов (Севера, Сибири и Дальнего Востока), так и для европейской части Российской Федерации. В качестве примера можно привести бассейн р. Мзымта, где формируется инфраструктура Зимней Олимпиады 2014 года. Из-за появления городков временного проживания тысяч строителей, прибывших с Северного Кавказа и Средней Азии, и скупки у местного населения земель поселковая администрация (Красная Поляна) не имеет возможности контролировать подведомственную территорию. Это проявляется в широко распространенной практике самовольного строительства, оказывающего воздействие на изменение этнического состава города за счет трудовых мигрантов. За последнее десятилетие вне контроля поселковых и районных администраций агломерации уже построены сотни жилых строений, доступ к которым ограничен частными охраняемыми структурами. Если проблема социальных последствий этого феномена уже поднята на федеральном уровне, то ее этническая составляющая остается пока за пределами внимания органов муниципальной власти [6; 24].

Следующий методический аспект проблемы определяется традиционными для региональной историографии характеристиками Черноморского побережья Кавказа в качестве полиэтничного района. Признание факта мирного сосуществования *десятков* народов уже стало признанием взаимной «политической корректности» органов власти и национальных общественных организаций.

Этнический состав населения агломерации Большой Сочи [25, 13, 8]

		1900		1989		2002		2010			
		п	%	п	%	п	%	Сочи	КП	Σ	%
1	Русские	20,3	61,5	254,2	70,37	268,1	67,5	249,1	3,7	252,8	72,7
2	Казачи							0,14		0,14	0,04
3	Украинцы	нд	нд	21,9	6,0	14,6	3,7	8,2	0,18	8,3	2,4
4	Белорусы	нд	нд	4,0	1,1	2,6	0,6	1,6		1,6	0,5
5	Черкесы	2, 1	6,4					0,2		0,2	0,06
6	Шапсуги							0,7		0,7	0,2
7	Адыгейцы			4,4	1,2	4,8	1,2	1,7		1,7	0,5
8	Кабардинцы							0,2		0,2	0,06
9	Абхазы			0,5	0,14			1,1		1,1	0,3
10	Азербайджанцы			0,8	0,2	1,0	0,3	0,9		0,9	0,26
11	Армяне	1, 3	3,9	52,6	14,6	80,0	20,2	46,8	0,1	46,9	13,5
12	Грузины	1,1	3,3	5,6	1,55	9,3	2,3	6,5	0,04	6,54	1,9
13	Осетины			0,5	0,14			1,0		1,0	0,3
14	Аварцы							0,2		0,2	0,06
15	Чеченцы							0,2		0,2	0,06
16	Эстонцы	0,2	0,6	0,6	0,16			0,2	0,02	0,22	0,06
17	Немцы			1,0	0,28	0,7	0,2	0,5		0,5	0,14
18	Евреи			1,2	0,4			0,4		0,4	0,12
19	Чехи	0, 8	2,4								
20	Поляки	0,3	0,9					0,2		0,2	0,06
21	Греки	5, 6	17,0	4,5	1,25	3,7	0,9	2,0	0,5	2,5	0,7
22	Сербы							0,17		0,17	0,05
23	Молдаване	1,0	3,1	0,9	0,25			0,5		0,5	0,14
24	Турки	0,3	0,9					0,13		0,13	0,04
25	татары			2,2	0,6	2,0	0,5	1,7		1,7	0,5
26	Мордва			0,6	0,16			0,2		0,2	0,06
27	Чуваши			0,8	0,2			0,4		0,4	0,12
28	Башкиры							0,2		0,2	0,06
29	Узбеки							0,3		0,3	0,08
Другие				4,9	1,4	10,1	2,3	1,8	0,13	2,2	0,53
Не указано								15,8	0,01	15,8	4,5
Общий состав		33,0	100	361,2	100	397,1	100	343,3	4,6	347,9	100

Однако, если современную систему межэтнической коммуникации рассматривать не как «штамп», а в качестве объекта научного исследования, то необходимо акцентировать внимание не столько на количественном, сколько на качественном составе населения. Интерес представляют этносы, взаимодействие которых на разных этапах исторического развития является гарантом политической стабильности. Это, хотя и сужает предметную область исследования, делает его результаты более репрезентативными. Проиллюстрируем данное положение. Из 112 этносов, зафиксированных в агломерации Большой Сочи переписью 2010 года, только 28 (25 %) имели численность более 100 человек (табл. 2).

Общая численность остальных 87 этнических групп составляет всего 2,2 тыс. человек (0,5 %), что позволяет утверждать: в системе межэтнических отношений на уровне агломерации эти этносы никакой роли не играют, даже в тех случаях, когда они представлены национальными ассоциациями. Планку 1 тыс. человек превысили только 10 этносов; 5 тыс. – 4 этноса; 10 тыс., не считая русских, только армяне. В историографии уже сформировались представления о том, что система текущего межэтнического взаимодействия начинает проявляться между представителями групп, превышающих 10 % от общей численности населения района (города). Помимо собственно русских эти пороговые значения превысили только два этноса: греки (в начале XX века) и армяне, начиная с 1990-х годов. Если же ставить вопрос в плоскость определения этноса (этносов), «ориентированного» на ассимиляцию меньшинств, то статистика опять же подсказывает, что этническим ядром могут выступать только два этноса: русские и армяне. В этой связи однозначная характеристика района в качестве полиэтничного достаточно условна. Она в большей степени имеет черты дуального взаимодействия.

Насколько информации о численном составе этнических меньшинств, содержащейся в официальных источниках и СМИ, можно доверять? С одной стороны, возникает вопрос об объективности данных переписи 2010 года, отражающих сведения об общей численности населения агломерации г. Сочи (343,3 тыс.). Связано это с тем, что с 1979 года, по официальным данным, численность населения увеличилась на 30 % (табл. 1). Однако за этот же период плотность застройки всех прибрежных районов агломерации, как и численности населения, росла более чем динамично. Только за последнее десятилетие в городе построено более 200 высотных строений. При анализе динамики изменения этнической структуры города возникают вопросы, связанные с информационной емкостью официальных источников. Так, по мнению экспертов, перепись 1989 года в части определения удельного веса армян в этнической структуре города более репрезентативна по сравнению с переписью 2010 года. Однако и перепись 1989 года трудно рассматривать в качестве объективного источника в силу исключительно высоких темпов мобильности группы в этот период. Принято считать, что наиболее отчетливо миграционный приток армян проявился уже после Спитакского (Ленинканского) землетрясения (07.12.1988 года). Это стихийное бедствие, охватившее 40 % территории Армении и оставившее без крова более 500 тыс. человек, объективно способствовало оттоку населения из республики. По данным СМИ, численность армянской общины в г. Сочи в это время выросла не менее, чем на 25%. В дальнейшем расширение представительства армян в структуре города связано с Карабахским конфликтом (1987–1994 годы.). Следующим районом «исхода» стала Абхазия, этносоциальная обстановка в которой была дестабилизирована в ходе абхазо-грузинских конфликтов 1992–1993, 1998, 2001 годов. Так, армянская община Абхазии в 1989 году составляла 76,5 тыс. человек; по переписи 2003 года – 44,9 тыс. чел. К 2011 году она сократилась уже до 41,9 тыс. человек.

В этой связи появляются вопросы, на которые в историографии нет ответов:

- чем объясняется «потеря» за 2002–2010 годы 33 тыс. человек?
- какова численность диаспоры армян, сформировавшейся из эмигрантов с территории бывших союзных республик?
- каково соотношение автохтонной (амшенской) группы армян, основавшейся на побережье в начале XX века, по отношению к эмигрантам с территории Армении и Абхазии?
- какое место занимает этническое предпринимательство армян в инфраструктуре города на всех этапах его истории?

Не случайно историю формирования диаспоры, этногенеза и культурогенеза армян этого района можно считать одним из наиболее перспективных объектов исследования.

Стоит отметить, что высокие темпы миграции (эмиграции) с территории Абхазии были характерны и для других этносов. Так, община русских в 1989 году, составляющая в Абхазии 74,9 тыс. чел., сократилась в 2003 году до 23 тысяч; в 2011 году – до 22 тыс. человек. Эти же процессы охватили и греков. Они сократили свое представительство в Абхазии с 14,7 тыс. до 1,5 тыс. (2003). Украинцы – с 11,6 тыс. человек (1989) до 1,7 тыс. чел (2011). В результате миграции более 200 тыс. грузин этнический состав этого пограничного с МО Большой Сочи района кардинально изменился. Удельный вес абхазов в составе республики достиг 50,8 %.

Круг проблем межэтнического взаимодействия в сопредельных районах по своему внутреннему содержанию стал во многом идентичным:

- бизнес-структуры обоих районов, в основном, ориентированы на развитие рекреационного потенциала «своей» территории и объективно являются конкурентами;
- в этническом составе доминирует один этнос: в г. Сочи – русские; в Абхазии – абхазы;
- в каждом образовании представлены десятки этнических групп, из которых только несколько (армяне – в г. Сочи; грузины, армяне, русские – в Абхазии) имеют перспективу развития национально-культурной автономии;
- этнические группы, сформировавшиеся в начале XX века (молдаване, греки, украинцы, немцы, евреи), последовательно сокращают свое представительство в этнической структуре районов.

Возвращаясь к ассимиляционным аспектам межкультурного взаимодействия, следует особо отметить, что на территории бывшего СССР не так много районов, где ассимиляционные процессы стали причиной военных конфликтов и массовых миграций. Абхазия входит в этот перечень. Начиная с 1930-х годов, органами власти Грузии целенаправленно проводилась политика ассимиляции этнических меньшинств [1, с. 253]. Именно этот фактор, по мнению абхазских исследователей, стал основной причиной дестабилизации межэтнических отношений, затронувшей весь экорегион Кавказа. Вплоть до настоящего времени ситуация в республике неустойчива. Это проявляется по ряду латентных признаков. Так, вплоть до настоящего времени часть армянской общины г. Сочи, сохранившая свою собственность (дома, участки) в Абхазии, не ориентирована на возвращение в места традиционного проживания. Аналогичная мотивация характерна и для представителей общин русских, украинцев и греков. В этой связи возникает предположение о взаимообусловленности дестабилизации этнополитической обстановки и снижения динамики ассимиляционных процессов в среде представителей второго-третьего поколения мигрантов. Встает и вопрос, насколько связаны высокие темпы мобильности населения в этом районе с тенденциями, фиксируемыми с 1990-х годов в Краснодарском и Ставропольском краях [16].

Распространенная на Кавказе в 1990-е годы тенденция решения социально-политических проблем на основе насилия на фоне *перманентной стабильности* межэтнических отношений в русском Причерноморье наложила определенный отпечаток на характер современного межэтнического диалога. Сохранение мира в этом районе, несомненно, является достижением преемственности как региональной национальной политики на протяжении всего XX столетия, так и традиции взаимодействия христианских конфессий, включая диалог русской и грузинской православных церквей. Предоставление в дореволюционный период возможности переселения по признаку конфессиональной принадлежности (предпочтение отдавалась христианам) оказалось тем фактором, который сформировал условия мирного сосуществования в течение всего XX столетия. В то же время система взаимодействия на уровне приходов православных церквей может иметь латентный характер. Так, позиция грузинской общины в организации системы межэтнического диалога в российских СМИ фактически не отражена. На наш взгляд, это определяется не только характером русско-грузинских отношений на межгосударственном уровне, но и высокой мобильностью группы. В настоящее время на территории Сочи проживает 6,5 тыс. грузин, против 9,3 тыс. в 2003 году и 5,1 тыс. в 1989 году.

Следующая группа вопросов связана с методикой исследования этнических процессов и обуславливающими ее источниками информации. Ассимиляционные процессы определяются не столько численностью этнической группы, сколько характером ее расселения, состоянием социальных институтов, системой жизнеобеспечения, традиционной хозяйственной специализацией и степенью развития этнического предпринимательства. Эти аспекты в региональной историографии явно не исследованы в должной степени.

При отражении мест компактного проживания этнических меньшинств обычно используется четко определенный список источников. Для дореволюционного периода это переписи, списки населенных пунктов (по губерниям), метрические книги, записки путешественников и отчеты миссионеров, карты. На этой основе в настоящее время формируются топонимические словари и перечни населенных пунктов, содержащие информацию об истории их создания и этническом составе [7, 14]. Для историографии XX века характерно расширение круга источников за счет привлечения справочных материалов, поступающих в вышестоящие органы власти от поселковых администраций, полевых материалов этнографических исследований, социологических опросов, материалов СМИ, историографических источников.

Стоит отметить, что на каждую из приведенных групп источников можно опираться только на этапе формирования рабочих гипотез, не более. Связано это с тем, что выявление механизма (комплекса причинно-следственных связей) этнических процессов возможно только на основе статистической обработки массовых источников: первичных материалов переписей и социологических опросов (формализованных интервью, анкет), похозяйственных книг, материалов ЗАГСов. Введение в оборот этой группы источников определяет применение выборочного метода исследований и технических приемов статистической обработки. К сожалению, эти подходы абсолютно не типичны для отечественной этнологии и этнографии. Отсутствие в исследованиях разделов, посвященных оценке репрезентативности полученных выводов, обуславливается применением исключительно *описательных методов*. В результате формируются *устойчивые представления (стереотипы)* о содержании этнических процессов. Так, сокращение той или иной группы этнических меньшинств, стирание этни-

ческих различий, выявляемое при полевых исследованиях, однозначно, рассматривается в качестве индикатора взаимообусловленных этнических процессов – ассимиляции и аккультурации. Оба процесса также традиционно рассматриваются в качестве социальных последствий урбанизации и свойственных ей форм повседневной межэтнической (вариант межкультурной) коммуникации. Этническое предпринимательство считается исключительно формой адаптации мигрантов и их потомков (одно-два поколения) к городской среде [20]. Внешняя простота этих логических построений приводит тому, что под схожие «описательные схемы» можно подвести любую этническую группу. Все это превращает этнические процессы в городской среде в крайне не привлекательный объект исследования для специалистов, ориентированных на выявление устойчивых форм этнической культуры. В результате «пренебрежения» ассимиляционными процессами объективно сужается не только предметная область, но и инструментарий исследования. Формируется представление о линейном характере взаимосвязи между этническим составом и культурой населения для всех этапов его этнической истории. Ассимиляция при этом аспекте анализа рассматривается как процесс последовательной потери этнического самосознания, охватывающего *все группы резидентов*. Вклад мигрантов (нерезидентов) и их потомков в первом-втором поколении в процесс межкультурного взаимодействия, причины отказа от этнической самоидентификации, как правило, не являются объектом внимания российских этнографов.

Традиционные подходы, на наш взгляд, неприемлемы при исследовании этнических процессов на Черноморском побережье Кавказа. Связано это не только с исключительно высокими темпами мобильности населения, но и с проявляющейся в течение последних 150 лет этнической спецификой адаптационных механизмов. На ассимиляционные процессы оказало прямое воздействие несколько волн миграций. В силу этого выйти на региональную специфику этих процессов можно только на основе выборочного, поэтапного исследования, охватывающего несколько хронологических срезов. Его алгоритм уже апробирован в Сибири при проведении этнологических экспертиз [21; 23].

В рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» Сочинским научно-исследовательским центром в 2012–2013 годах был сделан первый шаг в формировании методического обеспечения этнологического мониторинга [22, с. 33–37]. В качестве полигона для отработки методик был выбран район проведения Зимней Олимпиады 2014 года, охватывающий населенные пункты среднего и верхнего течения р. Мзымта. Выбор был определен не только полиэтничным составом населения, но и высокими темпами формирования инфраструктуры Олимпиады (транспортная сеть, гостиницы, спортивные объекты), вызывающими необратимые последствия в системе традиционных межкультурных коммуникаций. На первом этапе исследования решалась проблема формализованного описания этносоциальной обстановки в период, предшествующий реформам 1990-х годов. На основе делопроизводственной документации Краснополянского сельского совета (Адлеровский район г. Сочи) была сформирована электронная база данных по этнодемографической и социально-экономической структуре населения пяти населенных пунктов (Эсто-Садок, Медовеевка, Рудник, Чвижепсе, Кепша). База охватывает три хронологических среза (табл. 4), что позволяет выйти на определение общей направленности этнодемографических процессов.

Таблица 4

Структура электронной базы

	Населенный пункт	№ похоз. книг	Номера лицевых счетов	Число хозяйств	Число жителей
1958–1969 годы					
1.1.	Эсто-Садок	4	160–256	96	337
1.2.	Медовеевка	1	1–47	47	160
1.3.	Чвижепсе	7	281–324	43	148
1.4.	Рудник	3	133–155	22	72
1.5.	Кепша		49–140	91	291
ВСЕГО				299	1008
1973–1975 годы					
2.1.	Эсто-Садок	1-2	20–152; 3 без л. с.	135	339
2.2.	Медовеевка	3	288–228	43	107
2.3.	Чвижепсе	1	152–157; 7 без л. с.	32	91
2.4.	Рудник	5	1–19; 3 без л. с.	22	84
2.5.	Кепша		178–280; 15 без л. с.	102	350 (?)
ВСЕГО				334	971
1983–1986 годы					
3.1.	Эсто-Садок	1-2	1–131, 1 без л. с.	132	456
3.2.	Медовеевка		155–175, 9 без л. с.	29	61
3.3.	Чвижепсе	3	132–154	22	66
3.4.	Кепша	5,5а	176–270, 14–без л. с.	108	346
ВСЕГО				291	929
ИТОГО объем ЭБД по состоянию на 01.01.2013				924	2908

В процессе исследования был выявлен этнический и фамильный состав, сформирована поисковая система, позволяющая выйти на оценку мобильности населения, построены возрастные пирамиды и рассчитаны демографические показатели по каждой этнической группе и хронологическому срезу, обобщены социально-экономические параметры семей.

Сформированная база данных пока не вполне репрезентативна для характеристики ассимиляционных процессов, охватывающих все сельские населенные пункты агломерации Большого Сочи во второй половине XX столетия. В то же время она вполне адекватна для отбора и апробации инструментария, позволяющего максимально формализовать исследование ассимиляционных процессов, и прогнозирования изменений этносоциальной обстановки по выборочным полигонам. Проиллюстрируем это положение на примере двух этнических групп – украинцев и эстонцев.

Этап первый. Выявление «этнического ядра» проявляется в процедуре определения «резидентов» – семей, социальных институтов традиционно (на протяжении нескольких поколений) сохраняющих этническое сознание. Первым шагом являлось определение фамиль-

ного состава по каждой из этнических групп и их численного состава. Результаты обобщения информации, заложенной в созданной нами поисковой системе, отражались в табличной форме (табл. 5). Вторым шагом являлось определение в общем списке фамилий по этнической группе доли «резидентов» – фамилий, зафиксированных с 1958 по 1989 год и имевших в своем составе не менее 10 человек (табл. 5).

Таблица 5

**Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Фамильный состав украинцев и эстонцев.
Распределение по численному составу**

Численный состав/поселки	Этоса-док	Медове-евка	Чви-жепе	Кепша	Руд-ник	По не-скольким поселкам	Всего	% к общему числу укр. фамилий
Украинские фамилии								
до 2	3	2	4	6	-	-	15	22,7
2–4	4/2	2	1	5/1	1	3	16	24,3
4–6	1/1	4/3	2	5/3		3/1	15	22,7
6–10	1/1		2/2	6/6		2	11	16,7
10–20	2/2			2/2*		1/1	5	7,6
20–40		1/1				1/1	2	3,0
40 и более		1/1				1/1	2	3,0
Фамилий	11	10	9	24	1	11	66	100
Н носителей	52	93	28	95	5	108	381	100
Из них: украинцев	28	31	14	22	4	27	126	32,8
другие	24	62	14	73	1	81	255	67,2
Эстонские фамилии								
до 2	15						15	27,8
2–4	15	1		1			17	31,5
4–6	8					1	9	16,7
6–10	8	-	-	-	-	-	8	14,8
10–20	2/1			1/1			3	5,5
20–40	2/2						2	3,7
Фамилий	50	1		2		1	54	100
Н носителей	262	2	-	12		4	280	100
Из них: эстонцев	222	2	-	3		1	228	83,4
другие	40		-	9		3	52	18,6
По всем этническим группам								
Всего фамилий							542	
Н носителей							2242	

Примечание: Рассчитано по похозяйственным книгам поселкового совета п. г. т. Красная Поляна. МО «Город-курорт Сочи». 1958, 1975, 1986 годы. Общее число семей по группе/число семей со смешанным этническим составом.

Систематизированная в пофамильном списке информация анализировалась с позиции количественной и качественной оценки мобильности населения в целом и определенных нами в качестве примера двух этнических групп.

Мобильность населения в этом сельском районе оказалась неожиданно высокой: из 581 фамилии, выявленной по ЭБД, только 61 (10,5 %) представлена по всем хронологическим срезам. Представители 321 фамилии (55,2 %) фиксировались только в одном из временных интервалов. Собственно к резидентам можно отнести членов семей, отнесенных к 32 фамилиям – 5 % от общего числа фамилий в списке. Интерес представляет и динамика изменения этнического состава. Она свидетельствует как о распространенности межэтнических браков, так и о том, что к середине XX века украинские фамилии уже не несли функции этнического маркера. Доля лиц с этнической самоидентификацией «украинец» в смешанных семьях исключительно низка (табл. 6).

Таблица 6

Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Резиденты. Украинцы, эстонцы

	Показатели	Украинцы		Эстонцы	
		п	q (%)	п	q (%)
1	Кол-во фамилий по группе	66	100	54	100
2	Кол-во фамилий резидентов	8	12,1	8	14
3	Общее кол-во членов семей по группе	172	100	157	100
4	Из них: моноэтнических	38	30,1	94	59,9
5	со смешанным составом	134	134	63	40,1

Фамилии резидентов. Украинцы – Буковский, Буряк, Горб (Горбовы), Жеребной, Козакуло, Носовец, Плохотнюк, Пушкарь; Эстонцы – Беер, Керстен, Линтроп, Нахкур, Нугис, Оуман, Пикюк, Тобиас.

Таблица 7

Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Типология семей. Эстонцы

Эстонская группа семей	Типы	Эстосадок	Кепша	Эстосадок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО	Эстосадок	Кепша	Эстосадок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО	Эстосадок	Кепша	Эстосадок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО
		1958					1973					1989				
		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С	
По составу	1	13	-	1	1	14	4	-	1	1	5	1	-	2	2	3
	2	12	1	13	14	26	20	1	20	21	41	14	1	14	15	29
	3	2	-	3	3	5	7	-	1	1	8	4	-	8	8	12
	4	1	-	-		1	-	-	-	-	-	-	-	3	3	3

Эстонская группа семей	Типы	Эстосадок	Кепша	Эстосадок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО	Эстосадок	Кепша	Эстосадок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО	Эстосадок	Кепша	Эстосадок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО
		1958					1973					1989				
		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С	
Колво поколений	1	1	-	1	1	2	10	1	6	7	17	8	1	5	6	14
	2	24	1	12	13	37	16	-	15	15	31	8	-	12	12	20
	3	3	-	4	4	7	5	-	1	1	6	3	-	9	9	12
	4	-	-	-	-		-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
По детности	1	1	-	1	1	2	13	1	6	7	20	8	1	7	8	16
	2	25	1	11	12	37	17	-	12	12	29	11	-	16	16	27
	3	2	-	4	4	6	1	-	4	4	5	-	-	3	3	8
	4	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
По занятости	1	5	-	-		5	8	-	4	4	12	8	1	4	5	13
	2	20	-	2	2	22	7	1	4	5	12	4	-	8	8	20
	3	3	1	10	11	14	15	-	13	13	28	7	-	12	12	19
	4	-	-	5	5	5	1	-	1	1	2	-	-	3	3	3
Всего	28	1	17	18	46	31	1	22	23	54	19	1	27	28	47	

Условные обозначения: МЭ – моноэтнический состав. С – смешанный этнический состав.

Причиной выступает идентификация детей как «русских». В то же время эта ситуация нетипична как для эстонцев, так и армянских, греческих и грузинских семей (мингрел), стремящихся сохранить у детей «этническое» самосознание. Прослеживается, что эти этнические группы не сориентированы на ассимиляцию. Однако незначительный удельный вес группы резидентов позволяет констатировать, что систему межкультурных коммуникаций здесь трудно рассматривать в качестве традиционной, то есть устойчивой в течение двух-трех поколений. Этнический состав полигона определялся не столько воспроизводством и ассимиляционными процессами в среде резидентных групп, сколько его постоянным «обновлением» за счет трудовых мигрантов.

Этап второй. Выявление взаимосвязи между сохранением этнической самоидентификации и состоянием института семьи. Осуществляется в процессе типологии семей по признакам: а) состава (1 – простая полная, 2 – простая неполная, 3 – сложная неполная, 4 полная); б) количеству поколений (1 – одно, 2 – два поколения и т. д.); в) детности (1 – бездетная, 2 – 1-2-летняя; 3 – трехдетная; 4 – 4 и более детей); г) занятости (1 – отсутствие постоянных мест работы; 2 – 1 член семьи работает; 3 – 2 работающих; 4 – 3 работающих и более).

Следующий шаг процедуры представляет расчет частот распределения типов семей по этническим группам и поселкам по каждому из хронологических срезов с дальнейшим обобщением информации (в табличной форме) и компаративным анализом по этническим группам. Проиллюстрируем информационный потенциал технического приема на примере эстонцев и украинцев (табл. 7, 8). Так, выявленное распределение семей отражает как общие тенденции, так и этническую специфику. Возможно, ситуация определяется уровнем территориальной компактности этнического ядра. Если украинские фамилии распределены по пяти населенным пунктам, то эстонские – сконцентрированы в границах населенного пункта Этно-садок.

Таблица 8

Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Типология семей. Украинцы

Украинская группа семей	Типы	Состав		ИТОГО	Состав		ИТОГО	Состав		ИТОГО
		МЭ	С		МЭ	С		МЭ	С	
Год		1958			1973			1989		
Код населенного пункта		К; М; Э; Ч; Р			К; М; Э; Ч; Р			К; М; Э		
По составу	1	3	6	9	4	2	6	1	3	4
	2	14	24	38	9	18	27	4	15	19
	3	1	3	4	1	1	2	-	4	4
	4	-	1	1		1	1	-	4	4
Кол-во поколений	1	5	3	8	11	6	17	3	4	7
	2	13	28	41	2	14	16	2	15	17
	3	-	3	3	1	2	3	-	7	7
	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
По детности	1	6	3	9	8	6	14	1	6	7
	2	9	20	29	5	11	16	3	14	17
	3	2	10	12	1	5	6	1	5	6
	4	1	1	2	-	-	-	-	1	1
По занятости	1	1	2	3	5	3	8	2	6	8
	2	6	18	24	3	4	7	3	7	10
	3	9	13	22	5	14	19	-	6	6
	4	2	1	3	1	1	2	-	7	7
Всего		18	34	52	14	22	36	5	26	31

Условные обозначения: МЭ – моноэтнический состав семьи. С – смешанный этнический состав. Код населенного пункта. К – Кепша; М – Медовеевка; Э – Эсто-садок; Ч – Чвижепсе; Р – Рудник.

При анализе распределения семей по составу у обеих групп прослеживается доминирование простой, полной, двухпоколенной семьи. Некоторое этническое отличие относится к началу 1980-х годов. Если в среде украинцев кризис не отразился на структуре семьи, то в эстонской группе, возможно, произошел вынужденный отход от традиционной практики выделения молодых семей: вырос удельный вес неполных сложных и трехпоколенных семей. Увеличение доли бездетных семей у украинцев в 1970-х годах, вероятно, определялось миграционными процессами: выездом молодых семей за пределы поселков. Для обеих групп характерно, что семьи с начала 1950-х годов не были сориентированы на расширенное воспроизводство: доминировала 1–2-детная семья. Этот тип распределения, не характерный для сельской местности, дает основания для рабочей гипотезы: урбанизация 1930-х годов обусловила более ранние сроки демографического перехода (контроля семей за рождаемостью). Достаточно интересны показатели занятости. Устойчивость эстонской группы во многом определялась относительно высокими показателями занятости трудоспособной части семей. В течение более чем 30-летнего периода этот показатель стабилен; источником семейного бюджета являлась заработная плата одного – двух членов, занятых в «социалистическом секторе» экономики. Несколько иная ситуация сложилась в среде украинцев. Миграция молодежи привела к увеличению удельного веса семей, формирующих свой бюджет на основе социальных выплат. Доминирование простых двухпоколенных семей привело к ограничению возможностей занятости. К концу 1980-х годов у украинцев фактически исчезли семьи, в составе которых работали более двух членов. Выявленная структура семей также подтверждает тезис, что для украинской группы характерна меньшая устойчивость в сравнении с эстонской. Начиная с 1970-х годов, она в большей степени подвержена ассимиляционным процессам, несмотря на относительно высокий удельный вес этой группы в этнической структуре агломерации Большого Сочи (табл. 2). Можно предположить, что ведущим фактором ассимиляционных процессов является отсутствие мотивации украинских семей к компактному проживанию, развитию этнических форм предпринимательства и сохранению многопоколенной семьи.

В заключение остановимся на наиболее существенных аспектах, затронутых в статье. В районе русского побережья Черного моря ассимиляционные процессы остаются перманентным фактором воздействия на систему межэтнических (межкультурных) коммуникаций. Специфика района заключается в том, что они затрагивают, в первую очередь, мигрантов. В связи с вышеизложенным прогнозируется три возможных сценария развития ситуации.

Первый связан с тенденцией сокращения численности этнических меньшинств. Ожидается, что система межэтнического и межкультурного взаимодействия в районе будет определяться двумя этносами – русскими и армянами. Сохранение этнической самоидентификации в районах компактного проживания меньшинств напрямую зависит от состояния института семьи, традиционной хозяйственной специализации, уровня развития этнического предпринимательства и позиций в городских секторах экономики.

Второй сценарий базируется на признании объективными предпосылок формирования новых для населения города этнических анклавов из числа трудовых мигрантов, привлечен-

ных к созданию олимпийской инфраструктуры. В процессе модернизации городской инфраструктуры не была предусмотрена подготовка кадров для поддержания ее в рабочем (санитарном) состоянии. Эту нишу в силу ее низкой престижности в настоящее время занимают мигранты. Согласно имеющимся в регионе прецедентам, следует ожидать, что на протяжении одного-двух поколений ассимиляционные процессы эту группу населения не затронут. Причина – выраженные конфессиональные отличия и низкий порог адаптации выходцев из сельских национальных анклавов Северного Кавказа и Средней Азии к среде «курортной столицы Российской Федерации». В то же время формирование этнической специализации может стать фактором форсированной адаптации трудовых мигрантов к новой для них среде.

Третий сценарий связан с предположением, что в системе межэтнических отношений «внешний» фактор воздействия может стать доминирующим. Речь идет о формировании качественно новой системы взаимодействия между пограничными субъектами Российской Федерации и зарубежными странами (Грузией, Абхазией, Осетией, Турцией), представленными в экономической инфраструктуре своими диаспорами. В этом случае система межэтнических отношений преобразуется в поле политического диалога.

Направление развития межэтнических коммуникаций в границах агломерации Большого Сочи определятся в ближайшее десятилетие. Проблема состоит в том, что каждый из возможных сценариев содержит риски осложнения межэтнических отношений. Это обстоятельство актуализирует проблему организации в этом районе системы этнологического мониторинга и подготовки кадров в области социальной и прикладной антропологии.

Литература

1. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX–XX веков. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010.
2. Белозерова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // *Номо communicans II: человек в пространстве межкультурной коммуникации*. – Щецин, 2012. – С. 46–52.
3. Белозёрова М. В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 2011. – № 17, ч. 1. – С. 59–65.
4. Белозерова М. В. Некоторые аспекты формирования славянских групп населения на Северном Кавказе // *Славянский мир: диалог культур: сб. науч. ст.* – Кемерово; Омск, 2011. – Ч. 1. – С. 174–183.
5. Белозерова М. В. Проблема межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – С. 15–18.
6. В Сочи будут выполнены все решения по сносу самостроев [Электронный ресурс] // Портал Южного региона. – Режим доступа: <http://www.yuga.ru/news/294209/> (дата обращения 01.04.2013).
7. Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья (история и этнография в географических названиях). – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат» Адыгея, 2007. – 264 с.
8. Всесоюзная перепись 2010 года. Табл. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/census_and_researching/censusnational_census_2010/score_2010 (дата обращения: 01.04.2013).

9. Вшивцева Ю. В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект: автореф. дис. – Краснодар, 2010.
10. Гадло А. В. Проблемы этнической истории русского народа в отечественной науке второй половины XX века // Научная конференция. Этническая история народов России X–XX веков. Краткое содержание докладов. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 22–25.
11. История г. Сочи [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Портал МО «Город-курорт Сочи». – Режим доступа: http://www.sochiadm.ru/about_the_city/history (дата обращения: 25.04.2013).
12. Кудрина Е. Л. Диалог культур: влияние на культурную политику в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2011. – № 17, ч. 1. – С. 33–41.
13. Перепись. Информационно-поисковый портал по Армавиру и Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kray-ray.ru/city/sochi-informatsiya-o-gorode-i-istoriya> (дата обращения: 01.04.2013).
14. Половинкина Т. В. Сочинское Причерноморье. – Нальчик: Издат. центр «Эльфа», 2006.
15. Предварительные итоги Всерос. переписи 2010 года [Электронный ресурс]: сб. ст. – М., 2011. – Режим доступа: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/VPN-BR.pd (дата обращения: 01.04.2013).
16. Ракачев В. Этнодемографические изменения в Краснодарском крае, 1989–1999 годы [Электронный ресурс] // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – № 55–56 (18.02–13.03.2002). – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2002/055/analit04.php> (дата обращения: 01.04.2013).
17. Савва М. В., Савва Е. В. Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002.
18. Садовая П. А. К проблеме участия региональных социальных организаций в межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2012. – № 20. – С. 32–38.
19. Садовой А. Н. Коренные народы Аляски: проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 12. – С. 83–90.
20. Садовой А. Н. Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций // Homo communications II: человек в пространстве межкультурной коммуникации. – Щецин, 2012. – С. 239–244.
21. Садовой А. Н. Этнологические экспертизы: к проблеме адекватного отражения современных этносоциальных процессов // Теоретические и практические аспекты социально-экономического и политического развития Республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе. – Алматы: Изд-во «TST company», 2009. – С. 402–409.
22. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Симонян Г. А. Отчет о научно-исследовательской работе «Этносоциальный и социально-экономический мониторинг развития туристической инфраструктуры на особоохраняемых природных территориях (на примере районов проведения Зимней Олимпиады Сочи – 2014)» // Текущий архив СНИЦ РАН. – Сочи, 2012.
23. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1(45). – С. 22–26.
24. Самовольное строительство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blogsochi.ru/category/tegi/samovolnoe-stroitelstvo-0> (дата обращения: 01.04.2013).
25. Сочи. Развитие города в цифрах (статистические материалы). – Сочи: Сочинский городской отдел статистики, 1991.

26. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX века. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009.
27. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года: статистич. сб. / Росстат. – М., 2007.

Literatura

1. Achugba T. A. Etnicheskaja istorija abhazov XIX–XX vekov. Etnopoliticheskie i migracionnyje aspekty. – Suhum, 2010.
2. Belozerova M. V. K probleme mezhjetnicheskogo vzaimodejstvija na territorii rossijskogo Prichernomor'ja (na primere Bol'shogo Sochi) // Homo communicans II: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii. – Shchecin, 2012. – S. 46–52.
3. Belozjorova M. V. Mul'tikul'turnaja politika i tolerantnost': problemy formirovanija na federal'nom i regional'nom urovnjah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2011. – № 17, ch. 1. – S. 59–65.
4. Belozerova M. V. Nekotoryje aspekty formirovanija slavjanskich grupp naselenija na Severnom Kavkaze // Slavjanskij mir: dialog kul'tur: sb. nauch. st. – Kemerovo; Omsk, 2011. – Ch. 1. – S. 174–183.
5. Belozerova M. V. Problema mezhnacional'noj naprjazhennosti i tolerantnost': XX stoletie // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI, 2008. – № 5. – S. 15–18.
6. V Sochi budut vypolneny vse reshenija po snosu samostroev [Elektronnyj resurs] / Portal Juzhnogo regiona. – Rezhim dostupa: <http://www.yuga.ru/news/294209/> (data obrashhenija: 01.04.2013).
7. Voroshilov V. I. Toponimy Rossijskogo Chernomor'ja (istorija i jetnografija v geograficheskich nazvanijah). – Majkop: OAO «Poligrafizdat» Adygeja», 2007. – 264 s.
8. Vsesojuznaja perepis' 2010 goda. Tabl. 4 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/census_and_researching/censusnational_census_2010/score_2010 (data obrashhenija: 01.04.2013).
9. Vshivceva Ju. V. Naselenie Krasnodarskogo kraja nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-demograficheskij aspekt.: avtoref. kand. dis. – Krasnodar, 2010.
10. Gadlo A. V. Problemy jetnicheskoi istorii russkogo naroda v otechestvennoj nauke vtoroj poloviny XX veka // Nauchnaja konferencija. Jetnicheskaja istorija narodov Rossii X–XX vekov. Kratkoe sodержanie dokladov. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. 22–25.
11. Istorija g. Sochi [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sait. – Portal MO “Gorod-kurort Sochi”. – Rezhim dostupa: http://www.sochiadm.ru/about_the_city/history (data obrashhenija: 25.04.2013).
12. Kudrina E. L. Dialog kul'tur: vlijanie na kul'turnuju politiku v sovremennyh uslovijah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2011. – № 17, ch. 1. – S. 33–41.
13. Perepis'. Informacionno-poiskovyj portal po Armaviru i Krasnodarskomu kraju [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kray-ray.ru/city/sochi-informatsiya-o-gorode-i-istoriya> (data obrashchenija: 01.04.2013).
14. Polovinkina T. V. Sochinskoe Prichernomor'e. – Nal'chik: Izdat. centr «Jel'fa», 2006.
15. Predvaritel'nye itogi Vseros. perepisi 2010 goda [Elektronnyj resurs]: sb. st. – M., 2011. – Rezhim dostupa: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/VPN-BR.pd (data obrashhenija: 01.04.2013).
16. Rakachev V. Jetnodemograficheskie izmenenija v Krasnodarskom krae, 1989–1999 gody [Elektronnyj resurs] // Jelektronnaja versija bjulletenja «Naselenie i obshhestvo». – № 55–56 (18.02–13.03.2002). – Rezhim dostupa: <http://demoscope.ru/weekly/2002/055/analit04.php> (data obrashchenija: 01.04.2013).

17. Savva M. V., Savva E. V. *Pressa, vlast' i jetniceskij konflikt (vzaimosvjaz' na primere Krasnodarskogo kraja)*. – Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 2002.
18. Sadovaja P. A. *K probleme uchastija regional'nyh social'nyh organizacij v mezhkul'turnoj kommunikacii, social'noj i kul'turnoj integracii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2012. – № 20. – S. 32–38.*
19. Sadovoj A. N. *Korennye narody Aljaski: problemy mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2010. – № 12. – S. 83–90.*
20. Sadovoj A. N. *Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza. Jetniceskoe predprinimatel'stvo v sisteme mezhkul'turnyh kommunikacij // Homo communications II: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii. – Shchecin, 2012. – S. 239–244.*
21. Sadovoj A. N. *Jetnologicheskie jekspertizy: k probleme adekvatnogo otrazhenija sovremennyh jetnosocial'nyh processov // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty social'no-jekonomicheskogo i politicheskogo razvitija Respubliki Kazahstan, Central'noj Azii i stran SNG na sovremennom jetape. – Almaty: Izd-vo «TST company», 2009. – С. 402–409.*
22. Sadovoj A. N., Belozerova M. V., Simonjan G. A. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Jetnosocial'nyj i social'no-jekonomicheskij monitoring razvitija turisticheckoj infrastruktury na oso-bohranjaemyh prirodnyh territorijah (na primere rajonov provedenija Zimnej Olimpiady Sochi–2014)» // Tekushhij arhiv SNIC RAN. – Sochi, 2012.*
23. Sadovoj A. N., Poddubikov V. V. *Jetnologicheskaja jekspertiza v praktike regional'nogo upravlenija: opyt Kemerovskoj oblasti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 1(45). – S. 22–26.*
24. *Samovol'noe stroitel'stvo [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://blogsochi.ru/category/tegi/samovolnoe-stroitelstvo-0> (data obrashhenija: 01.04.2013).*
25. *Sochi. Razvitie goroda v cifrah (statisticheskie materialy). – Sochi: Sochinskij gorodskoj otdel statistiki, 1991.*
26. *Tveritinov I. A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. – Majkop: Poligraf-Jug, 2009.*
27. *Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po gorodam, poselkam gorodskogo tipa i rajonam na 1 janvarja 2007 goda: statistich. sb. / Rosstat. – M., 2007.*